

Клавдия Владимировна Лукашевич

Босоногая команда

Клавдия Лукашевич
Босоногая команда

«Public Domain»

1896

Лукашевич К. В.

Босоногая команда / К. В. Лукашевич — «Public Domain», 1896

«Лет тридцать тому назад, на окраинах Петербурга люди жили гораздо проще, скромнее и даже веселее, чем теперь. На Васильевском острове, в 15-ой линии, за Малым проспектом были выстроены только небольшие деревянные дома, большей частью одноэтажные, с наружными ставнями у окон...»

Содержание

Пасхальная ночь	5
У открытого окна	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Клавдия Владимировна Лукашевич

Босоногая команда

Пасхальная ночь

Лет тридцать тому назад, на окраинах Петербурга люди жили гораздо проще, скромнее и даже веселее, чем теперь.

На Васильевском острове, в 15-ой линии, за Малым проспектом были выстроены только небольшие деревянные дома, большею частью одноэтажные, с наружными ставнями у окон. Жили там люди небогатые: мелкие чиновники, неважные купцы, ремесленники, торговцы да фабричные, так как кругом было немало фабрик.

По воскресным и праздничным дням обитатели маленьких домов высыпали на улицу: по мосткам гуляли девицы, обняв друг друга за талии; в иных местах молодежь играла в горелки, в пятнашки; босоногие ребятишки сражались в лапту, в городки, в бабки, а пожилые люди сидели у ворот на скамейках и вели долгие беседы. Всюду было просто и оживленно.

Улицы в то время на Васильевском острове были не такие, как теперь: на них не было каменной мостовой, не было асфальтовых тротуаров, трава пробивалась всюду, где только ей не мешали, а посреди улиц тянулись высокие деревянные мостки.

В том году, о котором я теперь вспоминаю, Пасха была очень поздняя. Стоял конец апреля, и в природе давно уже повеяло ранней весной: все оживало, все пробуждалось от зимнего сна, чаще сияло и дольше оставалось на небе солнце; из-под таявшего снега бежали быстрые ручейки; около заборов там и сям между желтой прошлогодней травой пробивалась молодая, свежая травка; деревья покрывались почками, которые быстро разворачивались в маленькие, липкие, ярко-зеленые листочки; прилетевшие птицы звонко чирикали, приветствуя приход весны.

* * *

Наступила пасхальная ночь. Только раз в году и бывает такая ночь: чудесная, торжественная! Никто не спит в эту святую ночь: всюду движение, сборы, и сердце самого обиженного горемычного человека невольно наполняется тихой надеждой и радостью.

По улицам зажигались плошки; народ по всем направлениям шел и шел непрерывно; окна домов были освещены; православные собирались к Светлой Христовой заутрене...

* * *

В одном из подвальных этажей небольшого дома, по 15 линии Васильевского острова, сырая, темная, низкая квартира отдавалась по углам. И там, где очевидно не красно жилось людям, в наступившую пасхальную ночь все выглядело чище, спокойнее и радостнее. Во всех углах копошились жильцы, одеваясь в свое лучшее платье.

В первой комнате, за старой рваной ширмой только один из всех жильцов подвала никуда не собирался и лежал чуть ли не на голых досках, подложив себе под голову вместо подушки какое-то старое тряпье. Это был еще не старый мужчина, исхудалый, бледный, со впалыми глазами, очевидно, больной. Он печально смотрел на мальчика, присевшего боком около него и опустившего голову.

– Надо бы, Гришута, сходить к заутрене, – тихо сказал больной.

Мальчик востропнулся и встал. На вид ему было лет десять. Волосы у него торчали, будто у ежа, глаза были круглые-прекруглые, а довольно большой вздернутый нос придавал лицу и отвагу и задор. Но при всем том смотрел он прямо, и лицо его выражало доброту и ласку. Да и стоял-то мальчуган особенно, заложив руки за спину, выставив одну ногу вперед и немного откинув набок голову.

– Не во что одеться тебе, Гриша!.. Да и сапог нет!..

– Не беда, батюшка... Можно и без сапог, нынче не холодно. Одну матушки-покойницы кофту черную.

– Ведь и шапки-то нет у тебя, сынок.

– Я, пожалуй, и платком повяжусь.

Отец тяжело вздохнул.

– Нет, это не ладно... Точно девчонка... Одень опять мою старую, все же лучше... Велика только, – вся твоя голова в ней пропадет...

– Ништо... Так ладно будет.

– Эх, горе мое! Сгубила нас с тобой, сынок, эта болезнь моя. Поди, помолись... Детская-то молитва скорее до Бога дойдет.

– Пойду... Только как же ты-то останешься?

– Мне легче теперь...

Гриша достал из-под кровати корзинку, стал в ней шарить и одеваться.

– Какая сегодня служба-то великая идет, – говорил сам с собой больной. – В храмах Божиих какие стихи поют, какие псалмы читают! А потом все люди, забыв зло и вражду, обнимут друг друга, скажут: «Христос воскрес!»

– Батюшка, а батюшка!

Гриша посмотрел на отца и подумал: «Уж не заговаривается ли он?»

– У меня и трех копеек нет тебе на свечу, – глухо сказал отец.

– Ништо... У меня есть огарышек. От 12 Евангелиев остался... «Советник» дал. Увидел, что я стою без свечи, хлопнул легонько по плечу и свечку сунул... Я ее берег... Вот она...

Он встал с пола и вырос перед отцом в порыжелой женской кофте, с головой, ушедшей в старую барашковую шапку, которую он все сдвигал назад. Как он был смешон! Но отец даже не улыбнулся. А утомительный человечек в этой шапке и кофте вдруг схватил больного за шею, припал к нему на грудь головой и замер... Детская ласка везде одинаково мила – и в богатых домах, и в темном сыром углу. Больной ласкал и прижимал к себе дорогую ему голову в большой шапке и глотал подступившие к горлу слезы.

– Нам и разговестись нечем... Нет и яичка красненького для тебя, Гриша.

– Не тужи, батюшка... Ништо... Я скорехонько и дома.

Мальчик скрылся за дверью.

* * *

В другом углу того же подвала жила прачка-поденщица. За темной ситцевой занавеской, она снаряжала своих детей к заутрене. Дети оделись в старенькие, заплатанные платья. На простом белом столе стояли очень маленькая пасха, небольшой покупной кулич. И здесь жили бедно... Вдова-мать работала без отдыха, но ведь труд поденщицы оплачивается плохо. Ей едва хватало, чтобы платить за сына в школу, чтобы есть каждый день, и то не досыта, да жить здесь в углу, в подвале.

– Мама, а разговеемся-то мы когда? – спросил подросток-мальчик в чистой ситцевой рубашке, бледный и высокий, с задумчивыми серыми глазами.

– Уж и ты, Степушка, словно маленький, – не дожدهшься. Придем из церкви и разговеемся.

– Тогда и яичко красненькое дашь? – спросила девочка лет семи, как две капли воды, похожая на брата.

– Одним мы разговеемся, а те завтра остальные дам.

– Вкусно! Так слюнки и текут! – проговорила улыбаясь девочка и тронула пасху пальцем.

– Не трогай! Что ты?! Ведь грешно, – остановила ее мать и поспешно завязала пасху в чистый платок.

Не мудрено, что здесь так нетерпеливо ждали разговенья: весь длинный пост они строго постились, ели впроголодь.

* * *

Семья лавочника, лавка которого красовалась на углу Малого проспекта и 15 линии, тоже собиралась в церковь. Пятеро краснощеких детей и сама хозяйка разрядились пестро и пышно. В чистую скатерть завернули огромный разукрашенный кулич, большую пасху с розовым бумажным цветком.

Хозяйка зачем-то пошла в сени. Поторопилась и в дверях столкнулась с входившим мальчиком.

– А, чтоб тебе!!! Не смотришь... Вечно налетишь...! Кажись, все платье оборвал. Так бы тебя, кажется...

И она изо всей силы двинула мальчика, тот отлетел в сторону.

– В церковь идешь, к заутрене, а все лаешься, – произнес где-то в темных сенях мрачный детский голос.

– Хозяин! Иван Никитич! Поди-кось сюда. Послушай, как Андрюшка мне опять грубит... Зазнался! Покою от него нет! – кричала в сенях толстая хозяйка.

– Ужо я его... Сейчас иду... Позабыл мою науку, малец? Ужо я доберусь! – послышался в комнате звучный бас хозяина.

Андрюшка не так был прост, чтобы дожидаться расправы: он шмыгнул из сеней и живо очутился за воротами. Это был некрасивый, рыжий, косоглазый мальчик, круглый сирота и жил из милости у разбогатевшего лавочника, дальнего родственника. Не видел он ничего хорошего в скупой, думавшей только о наживе семье.

В наступающий Светлый праздник Андрюшка знал, что ни от кого не услышит ласкового слова: нет у него; родной души, никому нет до него дела, он совершенно одинок.

* * *

В том же доме, где помещалась лавка, в мезонине в одной тесной комнате жил столяр, жена его, Марья Ивановна, была портниха.

В их комнатке все дышало чистотой; перед большой божницей ярко горела лампада.

Марья Ивановна принарядила свою единственную дочь Марфушу, посмотрела на нее и подмигнула мужу: тот с нежностью остановил на ней взор. Темная коса девочки была гладко причесана и заплетена розовой ленточкой; румяное миловидное личико склонилось над тарелкой с яйцами; она что-то про себя шептала, указывая поочередно на каждое яйцо.

– Что ты там шепчешь? – ласково спросила мать.

– Мамашенька, одного яичка не хватает. Как хотите... Посчитайте сами...

– Что ты, Марфуша, да ведь там целый десяток.

– Вам и папашеньке, бабине с дедушкой, тете Ане, слепой Маврушке, дяде Антону, Грише, Степе и Анюте... А «советнику»-то?

– Ишь ты как всех наградила! Откуда ж я тебе возьму? У меня больше нет.

– Ну, мне не надо. Пусть ее дает, коли ей любо, – сказал, улыбаясь, отец.

– Уж ты у нас, отец, баловник! Избалуешь дочку.
Марфуша бросилась отцу на шею и звонко его поцеловала.
На улице в это время раздался первый пушечный выстрел.

* * *

Из калитки маленького деревянного старого дома с зелеными ставнями, выглядевшего чище других по 15-той линии, вышел высокий, несколько сторбленный, но еще бодрый старик в широкой шинели, в картузе с кокардой и с узелком в руках: там были кулич и пасха. Вместе со стариком вышла девушка, уже не первой молодости, высокая, худая, с длинным носом, в кринолине, в маленькой круглой шапочке и суконной кофте.

Из отворенной калитки выглядывала старушка с седыми локонами и с накинутой шалью. Яркое пламя вспыхнувших около дома плошек осветило милое доброе лицо старушки с голубыми глазами, и гордую, серьезную девушку, и старика. Высокие, туго накрахмаленные воротники заставляли его держать голову прямо, как будто бы важно. Из-под седых бровей смотрели веселые черные глаза, молодые по выражению, которые совсем не подходили ни к седым волосам, ни к сторбленной фигуре.

– Идите с Богом! За меня помолитесь. Я уж тут, дома... – тихо сказала старушка.

– Уходи, уходи, Темирочка, еще простудишься. Закрывай калитку, – заботливо посоветовал муж.

– Я думаю, к двум часам и домой вернетесь. Ну, Господь с вами! – и старушка скрылась за калиткой.

А в это самое время мимо старика с его дочерью прошмыгнули два мальчугана, один в кофте и в большой шапке, а другой – высокий, худой.

– Опять эти мальчишки! – с ужасом и негодованием воскликнула девушка. – Никогда от вас покою нет. Кажется, видите – папенька к заутрене идет... Понимаете?!

– Оставь, полно, Агнесочка... Они ведь ничего... Пускай идут вместе.

– Нет, папаша, увольте от этой милой компании. Дайте хоть в праздник вздохнуть свободно. Ваши мальчишки мне надоели до невозможности.

Старик замолчал. Мальчуганы перебежали на другую сторону. Там их поджидала целая компания маленьких оборванцев в стоптанных сапогах, а то и вовсе без сапог и в заплатанных пальто.

– «Советник» с «принцессой» в церковь пошли, – объявил один из мальчуганов.

– Он сказал что-нибудь? – пропищал тоненький голосок.

– Что он скажет?! Глупая! – Просто пошел к заутрене.

– Пойдемте, ребята, в церковь!

Вся ватага двинулась вдоль улицы. Не одна пара детских глаз провожала с затаенным любопытством, с немой надеждой, многие – с лаской, шедшего по 15-ой линии старика в картузе. От времени до времени он приподымал фуражку и приветливо кланялся ребятишкам.

– «Советник» к заутрене пошел! – передавалось из одних детских уст в другие.

– С кем? – допытывались не видевшие.

– С «принцессой на горошенке».

– А «седая богиня»?

– Дома осталась. Только за калитку проводила.

– Он ничего не говорил?

– Что же он скажет?... «Принцесса» рассердилась, зачем мы его ждали... Прикрикнула...

Он ей что-то шептал.

В это время раздался первый удар колокола в соборной церкви, его благостный призыв загудел, расстилаясь по воздуху... Еще удар... Потом в другой церкви... Снова где-то дальше. И пошел гулкий звон во всех церквях.

Ярче запылали плошки около церквей и домов... Усилилось движение на улицах. В церквях началась Светлая заутреня.

Много бедно одетых ребят, обитателей подвалов, конур и мезонинов, пробралось в ту церковь, куда прошел «советник» с дочерью.

Дети протискивались вперед, охотно ставили к образам свечи, когда им передавали, гасили огарки и посматривали по сторонам.

Дивно хороша пасхальная служба! Тысячи зажженных свечей... Крестный ход, возвращающийся в церковь с Радостным пением «Христос воскрес!» Светлое облачение духовенства... Торжественное, ликующее пение – все это оставляет неизгладимое впечатление, смиряет душу и заставляет позабыть и вражду, и злобу, и горе.

Рыжий Андрей стоял тоже в церкви, недалеко от Гриши. Оба они во все глаза смотрели на батюшку, когда он в конце заутрени вышел с крестом и, благословляя народ, три раза воскликнул: «Христос воскрес!»

– Воистину воскрес! – гулом пробежало по церкви... Все стали друг с другом христосоваться.

Андрей и Гриша стояли одинокими... Все-то с родными, с близкими, а у них никого нет.

Мальчуганы взглянули в ту сторону, где стоял старик с черными глазами – «советник», как они его называли. А он, улыбаясь, уже подходил к ним, крепко обнял сначала одного, потом – другого, христосовался и гладил их сиротливые головы.

– Христос воскрес, ребятки!

– Дяденька! Воистину воскрес!

– Приходите завтра к окну. Я вам по хорошенькому яичку дам... а пока вот, возьмите... – и, сунув мальчикам в руки по красному яйцу и по гривеннику, он поспешно отошел к дочери.

Начиналась обедня.

У открытого окна

Маленький серый дом с зелеными ставнями весь потонул в зелени: с одной стороны старый хозяйский сад, с другой небольшой отдельный двор для жильцов, с двумя кудрявыми березами да с кустами сирени. Высокая жердь с западней для птиц выглядывала из-за забора.

Мимо серого дома уже который раз с очевидным нетерпением проходили взад и вперед ребятишки: то мальчики, то девочки – в одиночку и по парам...

Вот появились и Гриша со Степой. Гриша – в большой черной кофте, старой шапке и босиком, а Степа – в неуклюжем дырявом пальто, в стоптанных сапогах и новой фуражке на голове...

Мальчики прошли медленно мимо окон деревянного дома с зелеными ставнями. Около крайнего окна, за дернутого синей занавеской, Степа приподнялся на цыпочки и заглянул...

– Нет, еще не видно, – с грустью прошептал он.

– Верно, кофей пьет, – возразил Гриша и сдвинул на затылок шапку.

Дети пошли дальше, но все обертывались и посматривали на серый деревянный дом, на заветное окно. Да и не они только... На другой стороне тоже с этого окна не спускал своих глаз рыжий Андрюшка.

День был ясный и теплый... На улицах с утра все говорило о Светлом Празднике: было чище прибрано, развевались флаги, народ шел нарядный и веселый, во всех церквях беспрестанно трезвонили... Тот, кого дети называли «советником», Семен Васильевич Кривошей, живший в старом домике, только что отпил кофе. Он закурил сигару и собирался пройти из чистенькой кухни в свою комнату, чтобы открыть окно.

– Папенька, уж вы, пожалуйста, сегодня ваших грязных мальчишек не зовите в комнаты: везде вымыто и половики чистые настланы, – сказала ему дочь Агния, высокая худая девушка.

– Слушаю-с, «принцесса на горошенке».

– Я говорю серьезно, а вы все смеетесь. Я думаю, никому другому – мне приходится мыть и прибирать...

– Что делать, душа моя! Всякий знает, что столбовая дворянка и в VI книге записана... А вот приходится и полы вымыть самой, и постирать, и пострепать. Уж поверь, что труд только красит человека...

– Ну, папаша, не будем говорить об этом... А только знайте, что мальчишек ваших сегодня я не пущу в комнаты... От них только грязь, сор и гам...

– Эх, матушка, было бы на душе бело. А после моих мальчишек сор уберешь, и следа не останется...

– Вы не поверите, маменька, до чего они мне вчера у заутрени надоели: по церкви взад-вперед ходят, толкаются, на всех оборачиваются... Я все время волновалась. Противные!..

– Научить их некому, Агнесочка... Простые ребята... Только они без дурного умысла, – кротко заметила мать, тихая старушка с белыми локонами.

– Ну, «седая богиня», и дочь же у тебя ворчунья... Скорее состарилась, чем ты.

– Вы бы, папаша, лучше велели вашим противным мальчишкам в церкви стоять как следует...

– Слушаю-с, «принцесса»! – старик приложил руку к сердцу, комично раскланялся перед дочерью и прошел в свою комнату.

– «Советник» окно открывает! – гулом прошлось по 15-ой линии.

– Открывает, открывает, – вдруг радостно взвизгнул курносый Гриша и, как стрела, помчался к серому домику.

Окно действительно распахнулось. На одной из его половинок было приделано продолговатое зеркало, в которое было видно далеко-далеко все, что делалось по 15 линии. Чего только не придумает чародей-«советник»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.